Смирнов.

Русск. народн

песни.

Изданіе редакціи журнала „Библіографъ“ (Н. М. Лисовскаго).

Н. А. Смирновъ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ.

(Этнографическій очеркъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Исидора Гольдберга, Екатерин. кан., 94.
1895.

Изданія редакціи журнала «Библіографъ» (Н. М. Лисовскаго)

Новые матеріалы для исторіи русской духовной литературы. *Д. Д. Языковъ.* Спб. 1885. 8°. (Нѣтъ въ продажѣ).

Библіографическій указатель книгъ и статей о славянскихъ первоучителяхъ св. Кириллѣ и Меѳодіѣ. *Н. Л.* Спб. 1885. 8°. 40 к.

Матеріалы для исторіи русской и иностранной библіографіи въ связи съ книжною торговлею. *И. Ѳ. Токмаковъ.* Вып. I. Спб. 1885. 8°. 50 к.

— Тоже. Вып. II. Спб. 1886. 8°. 40 к.

Обзоръ литературы объ Арс. Мацѣевичѣ. *И. Я. Морошкинъ.* Спб. 1886. 40 к.

Историко-литературные и библіографическіе матеріалы. *Н. В. Губерти.* Спб. 1887. 8°. 60 к.

Замѣтка объ отношеніяхъ кіевскаго митрополита Евгенія къ Державину до личнаго знакомства съ поэтомъ. *Евгеній Ф. Шмурло.* Спб. 1887. 8°. (Нѣтъ въ продажѣ).

И. С. Тургеневъ въ оцѣнкѣ своихъ ближайшихъ современниковъ. *Е. П. Кавелина.* Спб. 1887. 8°. 40 к.

Николай Павловичъ Дуровъ. Изъ воспоминаній библіофила. *Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ.* Спб. 1887. 8°. 40 к.

Къ исторіи составленія библіографическихъ указателей къ русскимъ періодическимъ изданіямъ прошедшаго времени. *В. И. Межовъ.* Спб. 1887. 8°. (Нѣтъ въ продажѣ).

Библіографическій списокъ литературныхъ трудовъ кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова. *Е. Ф. Шмурло.* Вып. I. Спб. 1888. 8°. 40 к.

Библіотека великаго князя литовскаго въ Вильнѣ, въ 1510 году. *Ст. Л. Пташицкій.* Спб. 1888. 8°. (Нѣтъ въ продажѣ).

Рѣдкая книга „Magikon“. *Н. В. Губерти.* Спб. 1888. 8°. (Нѣтъ въ продажѣ).

Лѣтописные источники для исторіи Литвы въ средніе вѣка. *А. И. Барбашовъ.* Спб. 1888. 8°. 40 к.

Воспоминанія о З. М. Пенкиной (Триполитовой) — первой женщинѣ-библіографѣ. *В. И. Межовъ.* Спб. 1888. 8°. (Нѣтъ въ продажѣ).

Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библіографическій указатель произведеній А. Н. Сѣрова. *А. Е. Молчановъ.* Спб. 1888. 8°. 1 р.

— То же. II. Библіографическій указатель литературы о А. Н. Сѣровѣ и его произведеніяхъ. *А. Е. Молчановъ.* Спб. 1888. 8°. 1 р.

Длугошъ, польскій истор. XV столѣтія *Ст. Л. Пташицкій.* Спб. 1888. 8°. 40 к.

Очеркъ современной теоріи заимствованія. *А. И. Савельевъ.* Спб. 1888. 8°. 40 к.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. (Библіографическое розысканіе). *С. И. Понамаревъ.* 1889. 8°. 40 к.

Симеонъ Полоцкій о русскомъ иконописаніи. *Л. Н. Майковъ.* Спб. 1889. 8°. 40 к.

Нѣсколько данныхъ о книгахъ по городамъ Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. *Н. Д. Чечулинъ.* Спб. 1889. 8°. 40 к.

Начало въ Россіи переписей и ходъ ихъ до конца XVI вѣка. *Н. Д. Чечулинъ.* Спб. 1889. 8°. 40 к.

Библіографическій списокъ литературныхъ трудовъ Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. *И. А. Козеко.* Спб. 1889. 8°. 75 к.

Сборникъ реценз. и отзыв. о книгахъ по русск. исторіи. № 1. Спб. 1887. 8°. 60 к.

— То же. № 2. Спб. 1888. 8°. 60 к.

— То же. № 3. Спб. 1889. 8°. 60 к.

Личныя имена въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка, не встрѣчающіяся въ православныхъ святцахъ. *Н. Д. Чечулинъ.* Спб. 1890. 8°. 40 к.

Поверстная и указная книги ямскаго приказа *А. С. Лаппо-Данилевскій.* Спб. 1890. 8°. 40 к.

Къ вопросу объ организаціи библіографическаго труда. *Н. М. Лисовскій.* Спб. 1890. 8°. 25 к.

Историческое общество при Императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ. 1889 — 1890. Протоколы засѣданій и отчетъ. Спб. 1891. 8°. 50 к.

Извѣстія иностранцевъ о вооруженныхъ силахъ Московскаго государств. въ концѣ XVI вѣка. *С. М. Середонинъ.* Спб. 1891. 8°. 50 к.

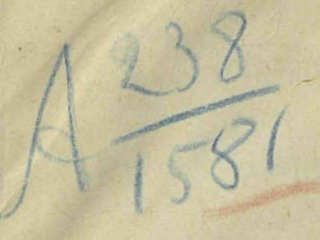
Яковъ Ѳедуловичъ Березинъ-Ширяевъ, библіофилъ и библіографъ. Біографическій очеркъ. (Съ портретомъ). Спб. 1891. 8°. 40 к.

Источники „Чертежной книги Сибири“ Семена Ремезова. *Н. Н. Оглоблинъ.* Спб. 1891. 8°. 40 к.

Иванъ Александровичъ Голышевъ. Къ 30-тилѣтію его научной дѣятельности. *Е. Ф. Шмурло.* Спб. 1891. 8°. (Нѣтъ въ продажѣ).

Прод. см. на 3 стр.

Изданіе редакціи журнала „Библіографъ“ (Н. М. Лисовскаго).

Н. А. Смирновъ.

РУССКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ
НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ.

(Этнографическій очеркъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Исидора Гольдберга, Екатерин., кан. 94.
1895.

Дозволено Цензурую. С.-Петербургъ, 2 Января 1896 г.

Русскія народныя пѣсни новѣйшаго времени.

(Этнографическій очеркъ).

Изученіе произведеній русскаго народнаго творчества началось у насъ очень недавно, такъ какъ не только сборники пѣсенъ прошлаго вѣка въ родѣ Новикова, но даже и относящіеся къ 40-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія, какъ напр. Терещенка, Снегирева, Сахарова, не могутъ похвалиться фотографическою вѣрностью своего матеріала. Сначала стали изучать былины, сказки, вообще поэзію эпическую, затѣмъ обратили вниманіе и на народную лирику—обрядовыя пѣсни. Мѣстами, въ которыхъ сохранилась вся эта народная поэзія, оказались сѣверныя окраины Россіи, губерніи Архангельская, Олонецкая, Вологодская, куда по мнѣнію Костомарова она была загнана политическими и другими условіями жизни. Что же касается самыхъ пѣсенъ, то это были по большей части такія произведенія народнаго творчества, которыя относились къ глубочайшей древности и отражали еще полумиѳическую, полуисторическую жизнь народа. Съ теченіемъ времени эти міровоззрѣнія начали становиться для народа все болѣе и болѣе отдаленными, стали выходить изъ области его пониманія, а вмѣстѣ съ ними стала забываться и старая пѣсня, лишившаяся уже современнаго значенія, и замѣняться новою съ совершенно новыми сюжетами, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и новѣйшіе собиратели народныхъ произведеній. «Современная крестьянская молодежь—говоритъ Ѳ. М. Истоминъ въ предисловіи къ своему сборнику «Пѣсни русскаго народа» (Спб. 1894 г.)—даже въ этихъ глухихъ мѣстахъ (Архангельская, Вологодская, Олонецкая губ.) начинаетъ чуждаться древней народной пѣсни, и это особенно замѣтно на молодыхъ крестьянахъ. Если и приходилось намъ выслушивать и записывать пѣсни съ голоса мужчинъ, то это была уже не молодежь, а люди пожилые, и даже не рѣдко преклонные старцы».

Вотъ о такихъ то пѣсняхъ исключительно новѣйшей формаціи, замѣняющихъ собою старую пѣсню, намъ и хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что наши почтенные собиратели на-

родныхъ произведеній не обращаютъ на современную пѣсню ровно никакого вниманія и относятся къ ней съ чувствомъ какого-то презрѣнія, такъ какъ «пѣсня новаго образца большею частію пошлая, иногда грубая, или неприлично игривая» *), лишенная какихъ бы то ни было эстетическихъ красотъ, словомъ нецензурная.

Всякій уже съ перваго взгляда согласится съ тѣмъ, что такое отношеніе къ данному вопросу болѣе, чѣмъ одностороннe. Если въ народной пѣснѣ видѣть отраженіе жизни народа, то будетъ совершенно несправедливо останавливать свое вниманіе только на древнѣйшихъ пѣсняхъ и отрицать значеніе пѣсни новой. Народъ продолжаетъ жить своею жизнью, нѣсколько обособленной отъ жизни интеллигенціи, и различныя впечатлѣнія, воспринимаемыя имъ отъ окружающихъ обстоятельствъ и предметовъ, выражаетъ какъ прежде, такъ и теперь по своему, насколько умѣетъ, въ своей пѣснѣ. Если эта пѣсня пошлая, то слѣдуетъ доказать это рядомъ фактовъ, а не говорить голословно, иначе выйдетъ, что какъ будто мы, лучше другихъ сознавая нравственное и умственное паденіе нашего народа, не желаемъ нисколько поддержать его въ этихъ обстоятельствахъ и съ презрѣніемъ говоримъ объ его нравственномъ опошленіи. Да наконецъ, если рѣчь зашла о пошлости, грубости, то всякому мало-мальски знакомому съ народной словесностью извѣстно, что ея довольно и въ старой, такъ называемой, археологической поэзіи народа. Тоже самое надо сказать и объ эстетической сторонѣ пѣсни. Та или другая пѣсня можетъ очень нравиться изслѣдователю, но она не популярна въ народѣ, народъ ее не поетъ, и потому она несмотря на всѣ свои эстетическія достоинства, не можетъ, съ нашей точки зрѣнія, имѣть важнаго значенія въ ряду произведеній народнаго творчества. Такимъ образомъ единственнымъ критеріемъ при оцѣнкѣ народныхъ пѣсенъ должна быть ихъ популярность. Разъ народъ поетъ ту или другую пѣсню, слѣдовательно она почему либо ему нравится, почему либо она для него важна, и дѣло изслѣдователя отыскать причину ея популярности, а не отворачиваться отъ нее, заклеймивъ ее кличкою пошлой.

Но въ томъ-то и бѣда, что этого вопроса о популярности теперь въ народѣ той или другой пѣсни мы рѣшить не можемъ за отсутствіемъ достаточныхъ для этого данныхъ. Собиратели по прежнему продолжаютъ записывать остатки все болѣе и болѣе въ послѣднее время угасающей народной археологической пѣсни

*) „Пѣсни русскаго народа.“ Спб. 1894. Предисловіе.

какъ это подтверждаетъ Ѳ. М. Истоминъ, участвовавшій съ этою цѣлью въ специальной экспедиціи снаряженной этнографическимъ отдѣломъ Импер. Рус. Географ. Общества въ 1886 г. Въ названномъ сборникѣ совсѣмъ почти не встрѣчается современной народной пѣсни, такъ какъ записываніе ея не входило въ планъ путешествія г. Истомина. Понятно, что вслѣдствіе этого въ литературѣ и не можетъ установиться болѣе или менѣе правильный взглядъ на современную пѣсню.

Я позволяю себѣ напомнить здѣсь объ одной небольшой статейкѣ, касающейся интересующаго насъ вопроса, написанной болѣе двадцати лѣтъ назадъ покойнымъ историкомъ Н. И. Костомаровымъ и напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» 1872 г. VI кн. по поводу выхода въ свѣтъ извѣстнаго сборника русскихъ народныхъ пѣсенъ П. В. Шейна («Великорусская народная пѣсенная поэзія по вновь изданнымъ матеріаламъ»). Это собственно не ученое изслѣдованіе нашего историка, а просто бѣглый очеркъ обозрѣвателя вновь выходящихъ книгъ, но написанный искусною и опытною въ этомъ дѣлѣ рукою. Здѣсь Костомаровъ на двухъ страничкахъ коснулся между прочимъ и современной народной пѣсни, которая хотя и въ очень ограниченномъ размѣрѣ, но попадается въ сборникѣ г. Шейна. Историкъ нашъ говоритъ здѣсь, что не должно пренебрегать и новой пѣсней народа, иначе мы будемъ односторончи и введемъ въ заблужденіе русскихъ образованныхъ людей, заставляя ихъ думать, что народъ нашъ по прежнему поетъ свои старыя археологическія пѣсни. Со времени появленія этой статьи прошло болѣе 20-ти лѣтъ, и, не смотря на это, приведенныя слова до сихъ поръ еще не находятъ себѣ отзвука. Правда, въ послѣдніе два, три года, стали раздаваться отдѣльные голоса, говорящіе какъ бы въ защиту новой пѣсни (Перетцъ. Современная русская народная пѣсня. Сравнительные этюды. Спб. 1893), но едва-ли можно высказать многое, при отсутствіи въ литературѣ новаго пѣсеннаго матеріала. Въ сборникѣ г. Шейна правда попадаются новыя пѣсни, но ихъ тамъ, какъ мы уже сказали, чрезвычайно мало. Остается такимъ образомъ искать эти пѣсни въ губернскихъ вѣдомостяхъ, календаряхъ, справочныхъ листкахъ и т. п. провинціальныхъ изданіяхъ; попадаются маленькіе сборнички пѣсенъ какого нибудь уѣзда или даже волости, но все это очень бѣдно и совершенно случайно собрано. Собиратели тоже по большей части люди случайные—простые любители, народные учителя, однимъ словомъ

люди безъ спеціальнаго образованія, безъ знанія необходимыхъ для этого дѣла пріемовъ. Затѣмъ что касается мѣстъ собиранія, то по прежнему остаются по большей части окраины Россіи — губ. Пермская, Казанская, Олонецкая, Саратовская. Центральной же Россіи по прежнему нѣтъ и нѣтъ. Нельзя же допустить, чтобы народъ тамъ не утѣшалъ себя пѣсней! *) Изъ этого видно, что орудовать приходится очень немногочисленнымъ матеріаломъ и потому трудно прійти къ какимъ нибудь положительнымъ результатамъ, но такъ или иначе намѣтить извѣстныя точки, указать то или другое положеніе, мнѣ кажется, можно. Вотъ поэтому я счелъ не лишнимъ перебрать всѣ провинціальныя изданія пѣсенъ за 70-ые и 80-ые годы и, пересмотрѣвъ ихъ, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Для народа пѣсня служила и до сихъ поръ служитъ не одною только забавою, средствомъ препровожденія времени или разсѣяніемъ тоски въ тяжелыя минуты жизни, она для него по прежнему имѣетъ историческое или, лучше сказать, историко-философское значеніе. Пѣсня для народа тоже, что беллетристическое или философское сочиненіе для образованнаго человѣка. Въ своихъ пѣсняхъ народъ поетъ о различныхъ событіяхъ, случаяхъ жизни, такъ или иначе заинтересовавшихъ его, высказывая при этомъ свое собственное пониманіе ихъ. Стѣсненный въ древней Руси въ узкихъ предѣлахъ своей жизни онъ ничего не зналъ дальше своего деревенскаго обихода и пѣлъ о немъ въ пѣсняхъ. Но сближаясь все болѣе и болѣе съ городомъ въ новѣйшій періодъ русской исторіи и воспринимая оттуда различныя впечатлѣнія, онъ не преминулъ сейчасъ же выразить ихъ и въ своей пѣснѣ. Это-то вліяніе города на деревню и отношеніе народа къ городской жизни и составляетъ главнымъ образомъ содержаніе новѣйшей народной пѣсни. А вліяніе города на деревню, какъ извѣстно, громадное, и съ этимъ, разумѣется, никто спорить не будетъ; оно касается буквально всей жизни народа: личной, семейной и общественной. Не менѣе любопытно и отношеніе самого народа къ городской жизни. Переходя затѣмъ къ формальной сторонѣ современной пѣсни, слѣдуетъ замѣтить, что у народа теперь рѣдко услышишь пѣсню грустнаго элегическаго напѣва. Новѣйшая пѣсня поется подъ гармонику и потому непре-

*) Когда эта статья была уже написана, газеты сообщили извѣстіе о поѣздкѣ Ѳ. М. Истомина въ губерніи Тамбовскую, Рязанскую, Тульскую для собиранія пѣсенъ.

мѣнно должна быть веселою по формѣ, что иногда далеко не соотвѣтствуетъ ея содержанію, которое зачастую бываетъ очень грустнымъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній я перехожу къ разбору самыхъ пѣсенъ, причемъ считаю нужнымъ назвать тѣ немногіе сборники, изъ которыхъ я заимствовалъ пѣсенный матеріалъ.

1) *Шейнъ*.—Великорусскія народныя пѣсни. 1870—1873.

2) *Можаровскій*.—Сборникъ святочныхъ пѣсенъ Казанской губ. Свіяжскаго уѣзда. См. Казанскій календарь на 1870 г.

3) *Народныя пѣсни, собранныя въ Чердынскомъ уѣздѣ Пермской губ. Поповымъ*. Москва. 1880 г.

4) *Магницкій*.—Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго Чебоксарскаго уѣзда.—Извѣстія Казанскаго Университета. 1877 г., №№ 1—2.

5) *Лаговскій*.—Народныя пѣсни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губ.—Череповецъ. 1877.

6) *Олонецкія губернскія Вѣдомости, 1880 г., № 81*.—Пѣсни, записанныя въ Исаіевскомъ приходѣ Вытегорскаго уѣзда.

7) *Саратовскій Справочный Листокъ*, 1877 г., № 205.—Пѣсни Саратовскаго простонародья.

8) *Московскія Вѣдомости*. 1878 г., № 260.—Русскія солдатскія пѣсни изъ послѣдней войны.

Извѣстно, что когда какой нибудь народъ входитъ въ сношеніе съ другимъ народомъ, стоящимъ выше его по образованію и развитію, то испытываемое имъ вліяніе прежде всего сказывается въ измѣненіи внѣшности. Такъ было у насъ въ Россіи въ XVIII ст. То же самое мы видимъ и теперь у нашего простого народа, который, все болѣе и болѣе знакомясь съ городомъ, спѣшитъ перемѣнить свой костюмъ, что является, конечно, для него дѣломъ болѣе легкимъ, чѣмъ усвоеніе особенностей хотя бы напр. той или другой стороны общественной жизни. Судя по пѣснямъ мы видимъ, что деревенская молодежь измѣнила свое прежнее незатѣйливое платье на болѣе модное. Такъ дѣвушка говоритъ про своего милаго, что онъ ходитъ

Въ аглицкой рубашкѣ,
Въ новой драповой фуражкѣ.

Или какъ сказано въ другой пѣснѣ:

Мой-то миленькій форсунъ-таки, форсунъ:
На немъ шапочка форменная.
И жилеточка суконенькая,
И сибирочка изъ чистаго сукна.

Въ одной пѣснѣ Пермской губ., Чердынскаго уѣзда молодецъ изображенъ записнымъ франтомъ:

На немъ кафтанъ голубой,
Миткалиная рубашка.
А на шеѣ-то платокъ
Славный аленькій цвѣтокъ.
Во карманѣ-то другой
Итальянской дорогой.
Во правой рукѣ тростка
Серебряная,
А на тросточкѣ лента
Букетовая.

Но дѣло не остановилось на выборѣ болѣе тонкаго сукна для сибирки, послѣдняя замѣняется уже сюртукомъ. а миткалиная рубашка—крахмальной манишкой:

Сюртучекъ на немъ коротенькій
И жилеточка бархатная,
И манишечка крахмаленая.

Появляются уже «калошицы», которыя полагается снять, взойдя на крыльцо.

Наконецъ, въ слѣдующей пѣснѣ изъ того-же Чердынскаго уѣзда Пермской губ. мы видимъ высшую степень городской цивилизаціи: на молодцѣ—

дорогая шинель,
Золоты часы съ камнями,
Ала лента со струями
Перебрызгана духами.
На манишкѣ мелки складки,
На жилеткѣ—свѣтлы вставки,
Во духахъ его головушка учесаная.

Не меньшему измѣненію подверглись убранство и костюмъ дѣвушки: волосы у ней зачесаны подъ гребеночку: она въ маревомъ платьицѣ,

Во тюлевой перелиночкѣ,
Бриліантовы серешки во ушахъ,
Золотыя у ней кольца на рукахъ,

затѣмъ уже извѣстный намъ «итальянскій платокъ» (пѣс. Саратовской губ.)

Наконецъ, въ слѣдующей пѣснѣ Костромской губ. на сцену является и пагубный градъ «Паризій:»

Какъ на Грунѣ сарафанъ
Полторасто рублей данъ.
Какъ на Грунюшкѣ перо
Шестьдесятъ рублей дано,
А второе-то перо
Изъ Парижу везено,
Везено, дарено
И пожаловано.

Любопытное замѣчаніе про тотъ-же Парижъ мы находимъ въ другой пѣснѣ Чебоксарскаго уѣзда Пермской губ., свидѣтельствующее, что до народа доходятъ слухи и объ отрицательныхъ сторонахъ жизни иноземцевъ:

Во Парижѣ городѣ
Всячины довольно,
Дѣвкамъ не привольно.

За измѣненіемъ костюма должны были явиться сейчасъ-же измѣненія, касающіяся другихъ сторонъ бытовой жизни народа. И дѣйствительно, въ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ упоминаніе о самоварѣ, чаѣ, кофе, конфектахъ. На свадьбахъ вмѣсто дружекъ являются уже шафера, невѣста ѣдетъ въ церковь въ золотой каретѣ. Изъ пѣсенъ мы узнаемъ, что народъ пользуется теперь почтою, имѣетъ понятіе о назначеніи телеграфа, газеты. Но такъ или иначе въ большей или меньшей степени усвоивъ себѣ смыслъ каждаго изъ этихъ предметовъ цивилизаціи, онъ перепуталъ всѣ ихъ иностранные техническіе термины, и въ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ часто на этотъ счетъ забавные курьезы. Такъ въ сборникѣ г. Шейна мы находимъ слѣд.:

По дорожкѣ по большой
Бѣжитъ маленькій штафетъ,
Несетъ милому газетъ (письмо?).
Мы газеты принимали,
Распечатали, читали:
Пишетъ миленькій мой
О любови дорогой.

Или въ пѣснѣ Костромской губ.:

Какъ изъ Питера штафетъ
Присылалъ милый конвертъ.
Мы конверты получали
Съ удовольствіемъ читали.
Во конвертѣ пишетъ знать,
Чтобъ я вышла погулять.

Въ одной пѣснѣ Петербургской губ. трактуется объ удобствахъ путешествія по желѣзнымъ дорогамъ:

Вотъ на Плюссѣ (станція Варш. ж. д.) важный домъ,
Принимаетъ всѣхъ въ вагонъ.
За стекляннымъ за окномъ
Стоитъ билетчикъ за столомъ.
За столомъ своимъ стоитъ,
Всѣмъ билетики даритъ.
Не гонись только цѣной,
Дадутъ билетичекъ цвѣтной,
Дадутъ билетикъ съ словомъ цвѣтной
И повезутъ тебя казной.
Хоть за Питеръ поѣзжай,
Только деньги отдавай.
Безо всякаго безъ спору
Берутъ денежки съ расчету.

Наконецъ, деревенскую молодежь начинаетъ интересовать и умѣнье образованныхъ людей говорить на иностранныхъ языкахъ, что конечно въ пѣснѣ выражено очень забавно. Такъ въ одной пѣснѣ Чебоксарскаго уѣзда Пермской губ., разсказывается, какъ одна Вязовская дѣвчонка привела къ себѣ въ комнату своего милаго, начала миловать его и просить:

Научи меня по русски,
А я тебя по-нѣмецки.
Подай, душечка, башмакъ,
Какъ по русскому сказать?
По-нѣмецки говорятъ.

Таково въ общихъ чертахъ внѣшнее, такъ сказать, вліяніе города на деревню. Само собою разумѣется, что въ такомъ видѣ оно далеко не желательное; но въ этомъ, конечно, виноватъ не народъ, который, полный желанія позаимствоваться отъ образованныхъ людей всѣмъ хорошимъ, съ нашей же стороны не встрѣчая никакого сочувствія къ себѣ кромѣ публичнаго лицемѣрнаго распинанія о любви къ нему, беретъ, что ему попадется подъ руку, не сознавая, пригодно оно ему или нѣтъ.

Понятно, что это измѣненіе внѣшности повлекло за собою сейчасъ же и измѣненія болѣе коренныя.

Нарядившись въ сюртукъ и крахмальную рубашку, деревенская молодежь стала презрительно относиться къ своей крестьянской черной работѣ и толпой повалила въ города на «чистую» работу

въ подмастерья, приказчики, половые, фабричные и т. п., прельщенная приманкою легкой наживы денегъ и столичными удовольствіями, какъ это видно изъ одной пѣсни сборника Лаговскаго:

Здѣсь (въ столицѣ) есть дамочки отличны,
Извозчики лихачи,

а за Калиновымъ мостомъ

Есть питейные дома,
Половые молодые,
Ребятушки щеголя.
Безъ подошевъ сапоги,
Верхи смазанные!

иронически заканчиваетъ пѣсня.

Разумѣется, такія заведенія научили деревенскаго парня разнымъ «художествамъ», не обѣщающимъ ничего хорошаго, какъ видно изъ той же пѣсни, гдѣ говорится, что въ Москвѣ Миша при лавкѣ

Не послѣдній былъ ворокъ:
Отломилъ замокъ отъ лавки,
Сталъ кофейный мастерокъ.

Но парень не унываетъ и на предостереженіе дѣвушки, что за такія дѣла онъ въ солдаты попадетъ, съ самоувѣренностью отвѣчаетъ:

Вотъ я грамотѣ умѣю,
Я и тамъ не пропаду,
Черезъ три я года въ службѣ
Въ офицеры попаду.

Если ужъ такая безпечность сказалась въ парнѣ къ самому себѣ, то еще въ большей степени она проявляется въ отношеніи къ оставленнымъ въ деревнѣ родителямъ, о которыхъ молодецъ позабылъ и думать и не заботится прислать имъ денегъ хотя бы на оброкъ, какъ это ясно видно изъ одной пѣсни Петербургской губ., иронически изображающей отношеніе деревенской молодежи къ столичной жизни, почему мы и позволяемъ себѣ привести ее здѣсь цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что она не встрѣчается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ сборниковъ пѣсенъ:

Не послѣдній я мальчишка
Я на фабрикахъ живалъ,
Разны ситцы набивалъ.
Получалъ денегъ не мало—
Сотъ по восемь рублей въ годъ.

Оставалось мнѣ мальчишкѣ
Пятьдесятъ рублей въ оброкъ.
Безъ оброку было нужно
Душу, сердце свеселить,
И положишь рублей триста,
Чтобъ заведеньямъ угодить.
Валишь деньги безъ расчету,
Какъ въ бездонный край, туда.
Ахъ, пусть казна разбогатѣетъ
На скучныя времена!
Ахъ, либо водка сдешевѣетъ!
Веселѣй мы будемъ жить!
Ахъ, веселѣе будемъ жить,
Не будемъ объ оброкахъ мы тужить!
Вотъ люди въ семью деньги копятъ,
Гдѣ молодая жена;
А я мальчишка одинокій,
Но у меня естя казна!
Казна—питейно заведенье.
Не выпьешь тоже безъ труда.
А я мальчишка не съ послѣднихъ:
Ужить съ деньгамъ умѣлъ и я.
Ахъ, я имѣлъ въ рукахъ красотку,
На своемъ счету держалъ;
Въ бѣломъ фартучкѣ пріятку,
И сафьяныхъ сапожкахъ.
Для красотки было нужно
Въ косу ленту и платокъ,
И въ уши серьги жемчужны
И на ручку перстенекъ.
Вотъ придетъ лишь Воскресенье—
Сарафанчикъ съ галуномъ...
Ну жъ тогда моя копейка
Вылетала вверхъ орломъ,
Вылетала вверхъ орломъ,
Становилася ребромъ!

Мы приведемъ еще одну пѣсню, слышанную нами тоже въ Петербургской губ. Здѣсь рисуется паденіе дѣвушки, попавшей въ Питеръ, и только благодаря раскаянію ея смягчается нѣсколько тяжелое впечатлѣніе, производимое этой пѣсню:

Я дѣвчонка несчастна, хуже горькой сироты:
Живала въ Питерѣ я часто, видала много я бѣды.
Распроклятая хозяйка съ ума свела совсѣмъ меня,
Она съ ума свела меня, да на худое навела:
Ахъ, содержанкѣ подвела, несчастной сдѣлала меня,

Несчастной сдѣлала меня, она за деньги продала.
Та несчастная дѣвчонка, котора въ Питерѣ жила,
Въ гулянье время провела, окруты много нажила.
Ахъ, не ходите, дѣвки, въ Питеръ, не губите вы себя,
Не завидуйте окрутѣ, она несчастная была.
Меня дѣвчоночку сгубила, худую славушку пустила.
Кто въ Питерѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ,
Но я въ Питерѣ жила и много горя приняла.

Вліяніе городской жизни сказалось и въ измѣненіи взгляда на любовь, на бракъ и вообще на семейную жизнь. Въ дореформенной Руси были еще довольно сильны старые патріахальные обычаи, родительскій авторитетъ стоялъ въ большинствѣ случаевъ на высотѣ своего положенія. Новыя вѣянія неизбѣжно создали рознь между отцами и дѣтьми, которая съ каждымъ годомъ чувствуется сильнѣе и сильнѣе. Свободное отношеніе между полами, эгоистическій и вмѣстѣ съ тѣмъ легкій взглядъ на жизнь, которые стали сказываться сначала въ образованномъ классѣ, вскорѣ перешли и къ простому народу, такъ какъ недостатки вообще усвоиваются довольно легко, а тѣмъ болѣе при отсутствіи нравственнаго вліянія.

Въ пѣснѣ Казанской губ. молодецъ говоритъ своимъ товарищамъ:

Вы не вѣрьте дѣвицамъ,
Что клянутся онѣ вамъ:
Онѣ божутся, клянутся,
Отворотятся, смѣются.

Тоже самое говоритъ и дѣвушка своимъ подругамъ про любовь молодца.

Измѣненія сказались и во взглядахъ на бракъ, при выборѣ жениха и невѣсты, но при этомъ любопытно сравнить взгляды той и другой стороны, далеко не сходные между собой. Взглядъ молодца при выборѣ себѣ невѣсты отличается большею трезвостью, практичностью; молодецъ сравнительно съ дѣвушкой пользуется большей свободой, ему нѣтъ въ любви никакого запрета и единственнымъ оправданіемъ для него во всѣхъ грѣхахъ подобнаго рода служитъ его холостая жизнь:

Я не буду виноватъ,
Потому что не женатъ.

Нагулявшись до сыта, онъ наконецъ отрезвляетъ себя женитьбой. Въ пѣснѣ Пермской губ. мать предлагаетъ сыну въ жены сначала купеческую дочь, потомъ мѣщанскую, но сынъ отказывается

отъ нихъ, потому что онѣ въ полѣ съ нимъ не работницы, а въ домѣ ей не замѣнушка и беретъ крестьянскую.

Пѣсня Казанской губ. отличается даже нѣкоторою долею нравственности:

Кто старушеньку полюбитъ—
Въ аду мѣста много;
Кто молодушку полюбитъ—
Грѣхамъ нѣтъ прощенья;
Кто дѣвчоночку полюбитъ—
Вѣчное спасенье.

Слѣдующая пѣсня, изъ той же мѣстности, обращается съ упрекомъ къ молодцу, невѣрному въ любви:

Не по промыслу, молодчикъ,
Заводы заводишь:
Ты заводушки заводишь,
Трехъ дѣвушекъ любишь!

Таково отношеніе къ браку мужской молодежи.

Посмотримъ теперь, какъ относится къ браку дѣвушка. Хотя теперь и предоставляется молодежи большая свобода въ вопросѣ о бракѣ, однако до-петровскій режимъ брака по принужденію не потерялъ еще своего значенія, по крайней мѣрѣ, для дѣвушки. Выходъ замужъ противъ воли дѣвушки за нелюбимаго человѣка, а тѣмъ болѣе за стараго встрѣчается еще и до сихъ поръ. И къ такому мужу дѣвушка, разумѣется, не имѣетъ никакой жалости, не говоря уже о любви, награждаетъ его невозможными эпитетами, сулитъ ему всѣ ужасы ада. Дѣвушка, вышивая коверъ, поетъ, что если онъ достанется старому мужу, то ему его не износить, а молодости дѣвичей не издержать, а молодому и износить, и издержать.

Въ пѣснѣ Пермской губ. дѣвушка обѣщаетъ стараго мужа повѣсить середи поля за горькую осиночку, за самую вершиночку, чернымъ воронамъ на карканье, добрымъ людямъ на дивованье. Въ другой пѣснѣ изъ той же мѣстности дѣвушка говоритъ, что если ей попадется старый мужъ, то она приготовитъ ему постель слѣдующимъ образомъ: положитъ три ряда кирпичей, четвертый крапивы, пятый—щипицы колючей; въ изголовье—сырую дубовую колоду, одѣнетъ еловой корой и утреплетъ дубиной вязовой. Въ слѣдующей пѣснѣ дѣвушка, выданная за старика, разсказываетъ, что она провела съ нимъ первую ночь, какъ въ жгучей крапивѣ, на рученькѣ держала какъ сырую колоду, цѣловала, будто горькой осины испивала. Разумѣется, совершенно другое является съ

молодымъ мужемъ: тутъ и ночка только въ три часа, и самъ онъ легче перышка, и поцѣловать его будто меду испить.

Но дѣвушка въ пѣснѣ не ограничивается однѣми угрозами по адресу стараго мужа, она приводитъ свои обѣщанія въ исполненіе. Въ пѣснѣ изъ той же Пермской губ. молодица отравляетъ своего стараго мужа:

Я про стараго пирогъ пекла.
Корочка—еловая кора:
Деготькомъ подмазывала,
Сулемой подсыповала,
Стараго мужа отравливала.

А въ одной пѣснѣ изъ сборника Лаговскаго молодица разсказываетъ съ какимъ-то злородствомъ закоренѣлаго разбойника, какъ она съ помощью своего возлюбленнаго убила своего стараго мужа:

Петельку на шейку (мужа) накладывала,
Милому въ окошко
Конецъ подала:
„Милый, потяни,
Душа радость помоги!“
Старый захрапѣлъ,
Ровно спать захотѣлъ;
Зубы-то оскалилъ,
Будто смѣхъ одолѣлъ.
Глазами замигалъ,
Вудто я хороша.
Въ ладоши захлопалъ,
Будто тѣшится.
Ногами задрягалъ,
Будто бѣсится.

Но гдѣ дѣвушкѣ въ вопросѣ о бракѣ предоставляется свобода, тамъ она является буквально разборчивой невѣстой. И на этотъ счетъ пѣсенъ очень много. При этомъ любопытно обратить вниманіе на отношеніе народа къ разнымъ сословіямъ. За крестьянина дѣвушка не хочетъ выходить.

Крестьянинъ-то, матушка,
Много земли пашетъ,
Деньги пропиваетъ.

или:

Съ крестьяниномъ жить—трудиться,
Рано вставать, поздно ложиться.

За кузнеца тоже не хочетъ, съ презрѣніемъ смотря на его черную, грязную работу:

Кузнецъ въ кузницѣ куетъ,
Самъ онъ въ сажѣ, чертъ какъ чертъ.
Часто въ кузницѣ бываетъ
Неравно онъ замараетъ.

Тоже презрѣніе мы видимъ къ кошатнику, сапожнику, солдату:

Кошатникъ кошекъ драть,
А мнѣ ножки держать.
— Сапожникъ—воръ, буянъ,
Съ утра до вечера пьянъ.
— Солдатъ—будь онъ унтеръ, рядовой,
У него лишь хлѣбъ съ водой *).

Дѣвушка не хочетъ даже за купца, потому что онъ

По базару волочится,
Тряпьемъ побирается,

намекая этимъ на мелкаго деревенскаго торговца; а въ слѣдующихъ словахъ высказывается уже практическая осторожность дѣвушки:

Купецъ—воръ, обманщикъ, плутъ,
Черезъ годъ можетъ банкрутъ,
И его возьмутъ въ тюрьму,
А я по міру пойду.

---

*) Любопытно, что совершенно такое же отношеніе дѣвушки къ указаннымъ лицамъ, мы встрѣчаемъ въ пѣсняхъ бѣлорусскихъ:

Хоча мине маци
За коваля оддаци,
Ни хочу, ни пойду
За коваля ни когда.
Коваль куе молоточкомъ
Дзяржиць подъ бокъ жаръ цвѣточокъ.

или

Вялѣла мяне маци
За шеучика замужъ даци, —
Не хочу, не люблю,
За шеучика не пойду:
Шеучикъ шіе, дратву вяже,
До поуночи спаць не ляже.

(См. П. В. Шейна — Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Сборн. отдѣл. рус. яз. и словес. И. Ак. Наукъ. 41 т. 495, 496 стр.).

Не болѣе лестными эпитепами награждается и наше духовенство. За поповича дѣвушка нейдетъ:

Будь онъ дьяконъ или попъ,
Въ камилавкѣ просто попъ,
Стрѣлы водитъ по ночамъ,
Не даетъ спать моимъ очамъ.

или

По погосту волочится,
Онъ блинами побирается.

Дѣвушка не соглашается отдать свою руку и штабъ-лѣкарю:

Съ нимъ веселья вовсе нѣтъ,
Смотри въ спиртъ да на ланцетъ;
Онъ мнѣ рвотнаго прибавитъ,
На тотъ свѣтъ меня отправитъ.

Остаются еще два сословія, которыя такъ или иначе извѣстны дѣвушкѣ — баринъ и подъячій — чиновникъ:

Жизнь боярина—что твой рай,
Только знай себѣ гуляй;
Въ клубъ, театръ, на балъ катайся
Или дома забавляйся.

По другимъ варіантамъ баринъ также не удовлетворяетъ требованіямъ дѣвушки:

Онъ собачій охотничекъ:
Собаки борзыя,
Лапи босые.

Очевидно воспоминанье о дореформенномъ помѣщичьемъ тиранствѣ не исчезло еще изъ памяти народа, и это между прочимъ является одною изъ причинъ, почему дѣвушка не хочетъ за барина:

Какъ баринъ крестьянъ бить,
А мнѣ милости просить.

Перебравъ такимъ образомъ всѣ сословія, дѣвушка останавливается наконецъ на подъячемъ — чиновникѣ. Тутъ уже варіантовъ нѣтъ: всѣ пѣсни подобнаго рода оканчиваются одними и тѣми же словами:

Иду, иду, матушка,
Иду, государыня,
Замужъ за подъячаго!
Ахъ, подъячій то писать,
А я денежки считать!
Пусть худое говорятъ,
А мы будемъ обирать!

заканчиваетъ пѣсня, указывая на мелкихъ чиновниковъ съ которыми народу частенько приходится имѣть дѣло.

Любопытно взглянуть также, какъ относится народъ къ оскорбленію чести дѣвушки, при чемъ тутъ замѣчается своего рода двойственность, смотря по тому кѣмъ оскорблена честь дѣвушки—человѣкомъ своего сословія—крестьяниномъ или интеллигентнымъ, причемъ послѣднимъ въ новыхъ пѣсняхъ является обыкновенно офицеръ. Генеральскій сынъ заигрываетъ съ крестьянской дѣвушкой, результатомъ чего было, что

Устинька расхворалася:
Устина душа въ рай пошла,
Генеральская душа въ адъ пошла.

Въ другой пѣснѣ Костромской губ. офицеръ лѣзетъ въ окошко къ дѣвушкѣ, деньщикъ замѣтилъ его и стегнулъ плеткой, говоря, что не дворянская честь лазить ночью по окошкамъ. Офицеръ пробуетъ откупиться, но деньщикъ не беретъ денегъ и хочетъ вести его въ судъ, на что офицеръ замѣчаетъ:

Я одинъ-то не пойду (на судъ)
Офицеровъ позову.

Такъ строго отнесся народъ къ дворянамъ, оскорбляющимъ честь крестьянской дѣвушки. Но за то несравненно снисходительнѣе относится онъ къ своему селянину обольстившему крестьянскую дѣвушку. Мнѣ не попалось ни одной пѣсни, гдѣ бы сулились парню за такое преступленіе муки ада, какъ генеральскому сыну. Дѣвушка глубоко оскорблена молодцемъ, она плачетъ, поноситъ своего милаго невозможными словами, но въ результатѣ прощаетъ ему и мирится съ нимъ. Въ другой пѣснѣ дѣвушка окончательно разругалась съ своимъ милымъ; онъ любитъ не одну ее, а цѣлыхъ десять: семь дѣвицъ, восьмую солдатку, девятую—мужнину жену и десятую ее:

Пойди прочь ты, мерзавецъ, отъ меня,
Я покудова не ссорилась съ тобой,
Я поколь тебѣ не плюнула въ глаза,
Вы прощайте, стулья точеные,
Всѣ диваны позолоченые!

Но потомъ она одумалась, воротила его и помирилась съ нимъ.

Но если подобная любовь является слишкомъ легкою, то въ противовѣсъ ей можно привести примѣръ изъ новѣйшихъ народныхъ пѣсенъ глубокой, истинной любви, ради которой дѣвушка или молодецъ не задумывается пожертвовать даже своею жизнью. Въ Петербургской губ. мы слышали пѣсню, въ которой говорится, что

отецъ не захотѣлъ позволить сыну жениться на любимой имъ дѣвушкѣ; тогда сынъ заплакалъ, «пошелъ по дорожкѣ столбовой, вынулъ саблю, вынулъ востру и зарозилъ онъ въ бѣлу грудь».

Его очи, его ясны все на солнышко глядятъ,
Его писемца печальны прямо къ Машенькѣ летятъ.
Гдѣ читала—тамъ упала, вѣрно кончилась любовь.
Вотъ тогда отецъ повѣрилъ, что на свѣтѣ есть любовь

заканчиваетъ пѣсня.

Подобную пѣсню съ небольшими варіантами мы нашли въ сборникѣ г. Истомина стр. 182.

Не меньшею силою воли отличается и дѣвушка, которую мать выдаетъ замужъ за «лакея - подлеца», а не за ея милаго:

Въ нову горницу вошла,
Вдоль по лавочкѣ легла,
Бѣлы рученьки вздынула,
Остру саблю подняла,
Себя смерти предала.

Подобное самоубійство изъ-за несчастной любви далеко не рѣдкость въ новой народной пѣснѣ. Случаи такой сердечной неудачи вызвали въ народѣ какое-то скептическое отношеніе и къ самой любви. Въ одной пѣснѣ Пермской губ, Чердынскаго уѣзда дѣвушка, покидаемая своимъ милымъ уѣзжающимъ въ «Питеръ-городокъ», говоритъ, что она умретъ безъ него съ тоски, и съ такими словами обращается къ своимъ подругамъ:

Ужъ вы кумушки—подружки,
Вы не дѣлайте того,
Не влюбляйтесь ни въ кого:
Отъ этой отъ любови
Приключается болѣзнь,
А отъ этой отъ болѣзни
Приключается горька смерть.

Хотя дѣвушка теперь и получила такъ или иначе право сама себѣ выбирать жениха, но тѣмъ не менѣе у ней по прежнему съ понятіемъ замужества неразрывно связано понятіе о какомъ-то рабскомъ подневольномъ положеніи жены. Въ пѣсняхъ постоянно указывается на то, что женщина только и живетъ весело въ періодъ своего дѣвичества, а замужемъ уже не то будетъ:

Неравно же песъ навяжется,
Либо старый, либо маленькій,
Либо ровнюшка, ломливый песъ.

Или какъ говорится въ другой пѣснѣ:

Молодушкамъ миновалася гульба,
Потому что у нихъ строгіе мужья.

И дѣйствительно, реформа, коснувшись внѣшности, далеко еще не проникла до сердцевины народной жизни, а въ отношеніяхъ мужа къ женѣ домостроевскія правила остались во всей своей силѣ. Невольно приходятъ на память слова Некрасова о положеніи въ семьѣ крестьянской женщины:

И ношу твою облегчила судьба,
Соперница дней славянина;
Еще ты въ семействѣ раба,
Но мать уже вольнаго сына!

Судя по новѣйшимъ пѣснямъ женщина по прежнему остается у народа такой же рабой, какой она была прежде. Въ одной пѣснѣ Саратовской губ. родители невѣсты просятъ жениха, чтобы онъ не ломался надъ ихъ дочерью, не заставлялъ бы ее разувать себя потому что оно «дите нѣжное, дочь отецкая, бѣлы рученьки замараетъ, золоты кольца изломаетъ, дороги камни растеряетъ». На что молодецъ отвѣчаетъ, что руки можно вымыть, кольца снять, камни вставить, а меня молодца одного можно понравити,

Понравити, позабавити.

Само собою разумѣется, что эта забава далеко не гуманная, если только не безчеловѣчная, какъ это видно напр. изъ одной пѣсни Костромской губ. Жена такъ описываетъ своего мужа, который съ воды пьянъ живетъ, съ квасу бѣсится и который заставляетъ ее разувать себя:

За сапогъ взялась,
Онъ меня въ щеку.
За другой взялась,
Онъ въ другую хвать!

Кромѣ этой «забавы», народъ нашъ продолжаетъ пользоваться для обученія жены уму-разуму и исторической плеточкой, рекомендованной еще, какъ извѣстно, Домостроемъ. Она оказывается подходящимъ средствомъ, чтобы отучить молодицу отъ гулянья и чтобы зставить ее любить своего ненавистнаго мужа, за котораго она выдана противъ воли:

Новая тесовая (кровать) поскрипываетъ,
Шелковая плеточка посвистываетъ,
Меня молодехоньку побуживаетъ.

Если ужъ такъ обходится съ женой мужъ, то чего же должно ей ожидать отъ мужниной родни! Свекоръ иначе не называетъ ее, какъ медвѣдицей, свекровь—лютой змѣей и т. д. Вступая въ домъ мужа, молодица сразу попадаетъ въ положеніе гораздо худшее наймички: на ней не ѣздитъ въ семьѣ развѣ только дуракъ. Свекорь кличетъ ее «щи, кашу варить» или «овинъ сушить», или «трои красны основать», золовка — «голову чесать», деверь — «коня сѣдлать», словомъ, какъ въ одной пѣснѣ говоритъ молодица, «посылаютъ ее туда, сюда и невѣдомо куда». А мужъ въ довершеніе всего, если жена не особенно спѣшитъ исполнять свои обязанности, приготавляетъ для нея шелковую плеть.

Таково въ общихъ чертахъ положеніе крестьянки въ семьѣ мужа въ настоящее время.

Само собою разумѣется, что далеко не всякая дѣвушка, особенно уже вкусившая у себя дома свободы, помирится съ такимъ положеніемъ, и вотъ въ семьѣ начинается разладъ. Молодица призываетъ всѣ погибели на голову мужниной родни.

Въ одной пѣснѣ изъ сборника г. Шейна молодица, обращаясь къ своимъ прежнимъ подругамъ, говоритъ слѣдующее:

Здравствуйте, милыя дружечки,
У насъ дома не здорово:
Свекоръ съ печки свалился,
За корыто завалился,
Ветчиною подавился.
Когда-бъ было мнѣ вѣстимо,
Я бы выше подмостила,
Свекру голову сломила.

Но такими угрозами изъ-за угла можетъ ограничиться только покорливая душа; женщина съ твердымъ характеромъ на этомъ не остановится, а пойдетъ дальше. Въ одной пѣснѣ Казанской губ. Чебоксарскаго у. разсказывается: что молодица, встрѣченная очень нелюбезно роднею мужа, слѣдующимъ образомъ расправилась съ ней. Обращаясь сначала къ деверьямъ, она говоритъ:

Вы деверья-соколы,
У васъ жены-то—голы;
Вы золовки—колотовки,
Вамъ самимъ за-мужъ итти
Я и тетокъ за порогъ,
Да по шеѣ до воротъ.

Расчитавшись съ роднею мужа, она приструнила и его самого.

Мужъ на лавочкѣ сидитъ,
На жену косо глядитъ,
А жена ручки развела,
По всей харѣ оплела.

Но подобные случаи, гдѣ бы вся родня мужа во главѣ съ нимъ самимъ подчинилась власти жены, въ народной пѣснѣ очень рѣдки. Скорѣе молодица, не въ силахъ дальше подчиняться самодурству своего мужа, рѣшится на преступленіе, убійство, и это въ пѣсняхъ и въ жизни далеко не рѣдкость. Въ пѣснѣ той же Казанской губ. кузнецъ хочетъ сковать молодицѣ замокъ съ ключемъ, а она проситъ у него пистолетъ съ ружьемъ, чтобы убить своего мужа дурака.

Впрочемъ есть еще одинъ выходъ для молодицы, хотя и печальный, но къ несчастію далеко не рѣдкій, какъ объ этомъ можетъ судить всякій, мало мальски знакомый съ народною жизнію: это размыкиваніе своего горя при помощи синяго кувшина.

Въ новѣйшихъ пѣсняхъ часто попадается разсказъ о томъ, какъ молодица, измученная дома, когда ей удастся вырваться на часокъ въ люди, забываетъ уже все и вся и предается самому широкому разгулу. Но не пьяная на пиру, хотя пила не чай, а зелено вино, не боявшаяся итти темнымъ лѣсомъ, не шатавшаяся черезъ поле идучи, она теперь, подойдя къ своему дому и вспомнивъ, что ее ожидаетъ, пошатнулась и ухватившись за веревку у воротъ, говоритъ:

Ты, верейка — верея,
Содержи меня
Бабу пьяную похмѣльну
Нетрезвую!

или

Бабу пьяную,
Бабу пьяную, хмѣльную
Всю похмѣльную *).

*) Невольно припоминаются стихи Некрасова изъ „Кому на Руси жить хорошо“ — „Пьяная ночь“:

Эй парень, парень глупенькій,
Оборванный, паршивенькій,
Эй, полюби меня,
Меня простоволосую
Хмѣльную бабу старую
Запачканную.

Такую грустную картину жизни русской женщины въ крестьянской семьѣ рисуетъ современная народная пѣсня. Очевидно, что время и новыя вѣянія не заронили еще свѣтлаго луча въ это темное царство, которое, измѣнивъ свою внѣшность, нисколько не смягчило своей грубой природы.

Спроси, спроси, матушка, гусей лебедей:
Каково вамъ гусики встрѣчь воды плыть?
Таково мнѣ, матушка, въ чужихъ людяхъ жить—

говоритъ молодица въ одной новѣйшей пѣснѣ.

Женщина, какъ мы видѣли, или должна покориться и терпѣливо сносить тиранство и дикое самодурство мужа и его родни подобно тому, какъ «гусямъ надо привыкать ко осокѣ, ко травѣ, ко болотной ко водѣ», или получить первенство въ своей новой семьѣ, что бываетъ очень рѣдко, или, наконецъ, въ безсильномъ негодованiи на окружающую обстановку, въ свободный часокъ, заливать свое горе виномъ.

Но народъ не останавливается на изображенiи одной только отрицательной стороны своей жизни, онъ даетъ картину и положительной, хотя послѣднее бываетъ по крайней мѣрѣ въ пѣсняхъ очень рѣдко. Въ просмотрѣнныхъ нами сборникахъ мы нашли только одну пѣсню, рисующую хотя и бѣдную, но дружно живущую семью. Эта пѣсня изъ Пермской губ. Чердынскаго уѣзда и въ ней между прочимъ говорится слѣд.:

Маша по лѣсу ходила,
Маша лыко драла,
Маша лапти плела:
Мужу—двои, себѣ—трои,
Ребятишкамъ по лаптишкамъ.
Маша лапти доплетала,
Мужа три раза цѣловала.

Таково въ общихъ чертахъ содержанiе современной народной пѣсни, насколько можно судить по немногимъ имѣющимся у насъ даннымъ.

Наконецъ, можно было бы указать въ новѣйшихъ пѣсняхъ еще на два, на три сюжета въ родѣ напр.:

1) положенiя рабочаго, которому хозяинъ даетъ

Одной тепленькой воды,
Ни капусты, ни крупы.
Мы водицы похлебаемъ,
Говядины ни куска.

2) положенія арестанта, ссылаемаго въ Сибирь и съ глубокою грустью вспоминающаго объ оставленной имъ семьѣ,—но подобныхъ пѣсенъ слишкомъ мало, въ имѣющихся у насъ сборникахъ чтобы на основаніи ихъ дѣлать какія-нибудь обобщенія, и потому поневолѣ приходится ограничиться указанными выше.

У насъ не упомянуто еще объ одномъ довольно распространенномъ типѣ современной народной пѣсни, о такъ называемыхъ «частушкахъ», представляющихъ по большей части безсмысленный наборъ словъ, но мы это сдѣлали не безъ умысла: если не ставятъ въ вину нашей учащейся молодежи того, что она теперь на своихъ студенческихъ вечерахъ распѣваетъ пѣсни въ родѣ

Предо мною книга Гая,
Открытъ девятый институтъ.
Экзаменъ скоро, дорогая и т. д.,

то неужели же можно упрекать полуграмотный народъ за «частушку» въ родѣ:

Голубое да зеленое,
Погуляемъ-ка моленое!

или

Вылѣзъ Миша на вершину,
Видѣлъ Питера машину.

Народъ, вѣдь, и самъ не придаетъ никакого значенія этой безсмыслицѣ, а слагаетъ ее и поетъ только ради одной риѳмы.

Подводя въ заключеніе итоги всему сказанному, мы должны сознаться, что содержаніе новѣйшей народной пѣсни слишкомъ бѣдно въ сравненіи со старою пѣснею, которая открывала передъ нами обширнѣйшій горизонтъ миѳическихъ воззрѣній народа или рисовала старинные обычаи его жизни. Современная пѣсня распѣваетъ про «колошицы», «конверты», «штафеты», желѣзныя дороги и т. п. предметы цивилизаціи, хотя не оставляетъ безъ вниманія, какъ мы видѣли, и интересовъ семейной жизни, но только новой, а не старой, сдѣлавшейся для народа теперь и мало интересной, и не понятной. И вотъ только за то, что народъ нашъ, полный желанія идти впередъ, отказывается отъ своей старой пѣсни, не дающей теперь никакой пищи его уму и чувству, складываетъ свои новыя пѣсни, вдохновляясь вліяніемъ городскаго кабака, фабрики и т. п. среды въ которую онъ получилъ свободный доступъ и которую считаетъ стоящею выше себя по образованію,

мы съ презрѣніемъ отворачиваемся отъ него и не хотимъ заняться изученіемъ его современной пѣсни. — «Тратить силы и терять время — говоритъ одинъ изъ собирателей народныхъ пѣсенъ — на сохраненіе этихъ новомодныхъ произведеній не только не стоющихъ вниманія, но часто и просто оскорбляющихъ художественное и даже нравственное чувство—не слѣдуетъ собирателю» *).

Не есть-ли современная народная пѣсня лучшее доказательство того, что для нашего народа наступило переходное время, настала другая эпоха—эпоха личныхъ интересовъ, личнаго творчества, могущаго совершенствоваться только при условіи развитія образованности. Но даемъ-ли мы это послѣднее нашему народу? Изъ пѣсенъ мы уже видѣли, какую сторону образованности заимствуетъ отъ насъ народъ. Въ отношеніи умственной пищи онъ по прежнему продолжаетъ питаться милордами англійскими, Пушкины и Лермонтовы по прежнему остаются народу неизвѣстными, если-же случайно и попадетъ въ какой нибудь пѣсенникъ произведеніе этихъ писателей, то сдѣлавшись достояніемъ народа, оно такъ изуродуется, что исчезаетъ всякая возможность опредѣлить его смыслъ. И такъ, если современная народная пѣсня не художественна, не богата содержаніемъ, то надо постараться дать народу возможность сдѣлать ее таковою, а для этого надо поднять его нравственно и умственно и не скрывать отъ него того художественнаго богатства, которымъ владѣемъ мы, интеллигентные люди. Что-же касается попытокъ нѣкоторыхъ любителей старинной русской народной пѣсни (см. о русской пѣсни г. Александра Оленина. «Нов. Время» 1894, № 6520) заставить чуть-ли не силою народъ вернуться къ старой пѣснѣ, то это похоже на то, какъ еслибы начать пеленать ребенка, научившагося ходить.

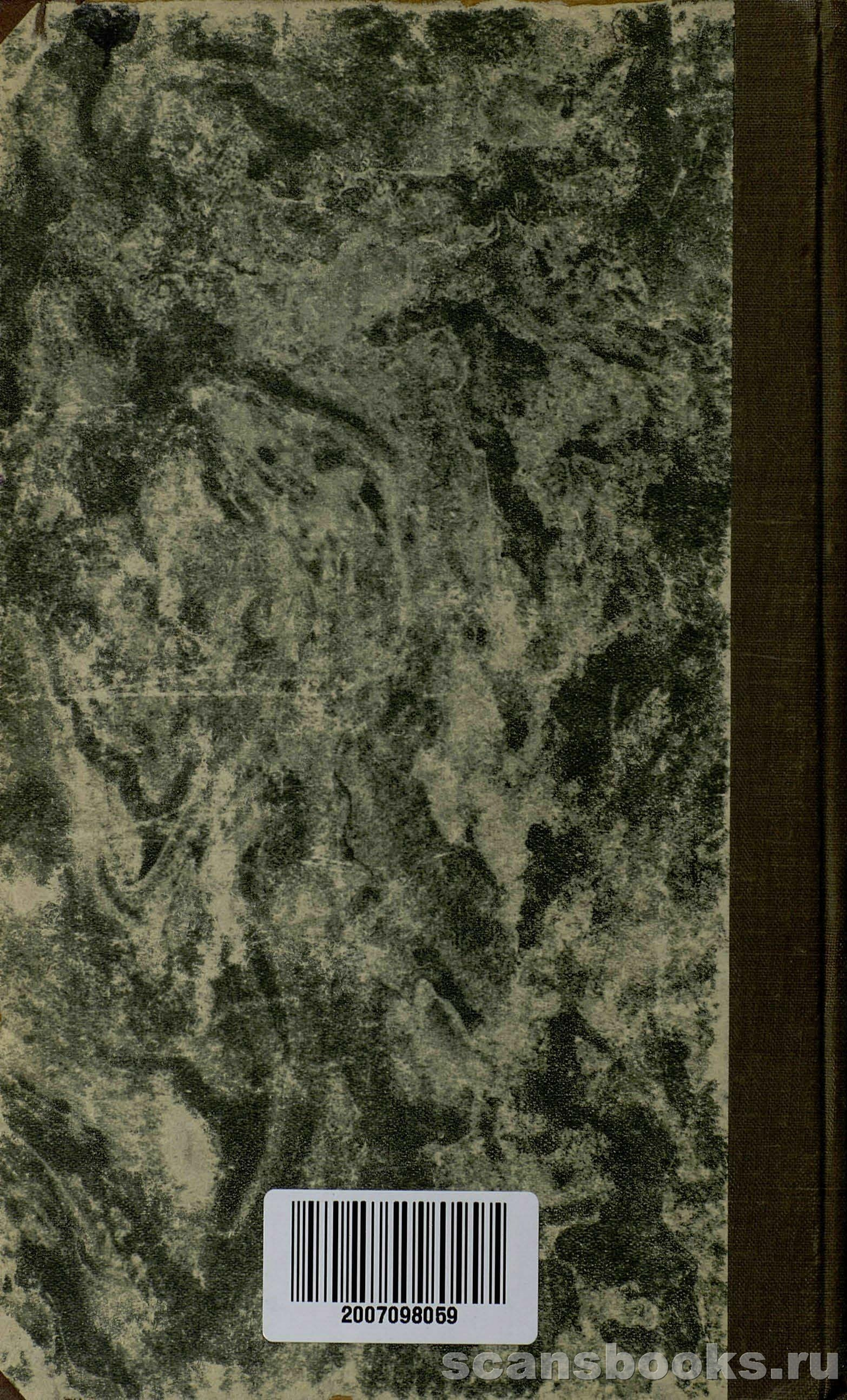
И такъ современная народная пѣсня право ужъ не такъ ничтожна какъ ее считаютъ: въ ней есть и смыслъ и иронія, иногда даже болѣе глубокая, чѣмъ въ старой пѣснѣ, однимъ словомъ, она по прежнему остается отраженіемъ народной жизни. Если получается некрасивое отраженіе, то слѣдовательно некрасивъ предметъ, который отражается. «Никакъ не слѣдуетъ, говоритъ Н. И. Костомаровъ въ указанной его статьѣ, пренебрегать пѣснями новѣйшаго склада, или-же носящими отпечатокъ новѣйшихъ передѣлокъ, если для нашего эстетическаго вкуса онѣ представляются уродливыми, пошлыми, даже циническими и лишенными всякой

*) Лопатинъ и Прокунинъ.—Сборн. русск. народ. лирич. пѣсенъ, II стр.

поэзіи, то для историка и мыслящаго наблюдателя человѣческой жизни онѣ все-таки драгоцѣнные памятники народнаго творчества. При этой точкѣ зрѣнія, видимая безсмыслица для насъ иногда не бываетъ лишена смысла».

Пожелаемъ же, въ заключеніе, чтобы наши почтенные собиратели народныхъ произведеній обратили вниманіе и на «новомодныя» пѣсни нашего народа.

Январь 1895 г. **Н. Смирновъ.**

2007098059